

ДРУГОЙ ГОРЬКИЙ

Как сегодня писать о Горьком? Он все-таки устоял под напором торопливых ниспровергателей, на холодном ветру переоценок и пересмотров. Правда, изрядно изменился в глазах нынешних читателей. Забронзовевший "основоположник пролетарской литературы" постепенно открывается в своем истинном противоречивом облике. Главное при этом — он один из крупных русских писателей XX столетия, сказавший впечатляющие, горькие слова о России, автор романов "Жизнь Матвея Кожемякина" и "Жизнь Клима Самгина", "странных рассказов" 20-х годов и "Несвоевременных мыслей". Человек, ставший легендой с первых своих книг, горячо принятых и в декадентских, и в "прогрессиистских" кружках начала века. Написавший немало посредственных пьес и рассказочных, ходульных повестей, включая "Мать".

Время безжалостно, тут ничего не поделаешь. У Алексея Ремизова, выдающегося русского писателя, есть злое, но прозорливое замечание об одной особенности Горького: "Там, где была хоть какая-нибудь сложность, Горький закрывал глаза и не слышал". Так что "буревестник" сегодня трудноват для честной критики. И тем не менее Вадим Баранов решился написать и выпустить "роман-исследование", назвав его — "Горький без грима. Тайна смерти" (издательство "Аграф").

Смыт ли весь грим или частично? Действительно ли раскрыта "тайна смерти" писателя и его трагедия? При том, что сотни писем Горького к Сталину и другим деятелям еще не опубликованы, самые серьезные горьковские архивы еще закрыты для исследователей, дневники и последние бумаги писателя замкнуты в сейфах...

В этих условиях Вадим Баранов сделал что мог: его книга учитывает многие новые публикации и документы, появившиеся у нас и за рубежом. Автор предлагает свои толкования известных материалов, стремясь быть объективным и деликатным. В его исследовании есть весьма ценное качество: автор не навязывает своей точки зрения, оставляя зачастую читателю возможность выбора из нескольких версий. Так что

приводимые в книге материалы нередко говорят больше, чем авторские суждения. Здесь, конечно, сказывается добросовестность опытного горьковеда, профессора Баранова, не одно десятилетие изучающего творчество этого человека.

Впрочем, иногда добросовестность и мягкость граничат с излишней уступчивостью горьковским оппонентам. Так, например, автор книги с готовностью признает, что "Жизнь Клима Самгина" — скучный, неудавшийся роман. И совершенно, полагаю, напрасно: "Самгин", вобравший в себя огромный духовный опыт российской жизни четырех дореволюционных десятилетий, стал весьма убедительным ответом писателя на убогие, упростилиськие концепции новых "хозяев жизни", искоренявших богатейшее многообразие духовных исканий русской интеллигенции начала столетия. И такой роман назвать скучным! Тогда заодно уж так можно сказать о Томасе Манне, Роберте Музиле, Германе Гессе, Марселе Прусте и других великих романистах века? Серьезная литература создается все-таки не для увеселения.

Полемическая горячность автора ощутима почти на каждой странице. Его можно понять: Горького долгое время в угоду властям малевали как "величайшего", а в последние годы охавали как беспринципного приспособленца...

А Горький — другой. И книга Баранова в этом убеждает. Автор "Кожемякина" и "Самгина" разделил со своим народом тяжкую историческую драму слепой веры в социалистическую утопию; он прошел со своими соотечественниками увлечение первыми марксистскими кружками, упование на "очистительно-разрушительную бурю", на коллективное созидание новой жизни. И поплатился своей жизнью за эти иллюзии, которые он попытался преодолеть в последние годы. Но было уже поздно. Он, бесстрашно споривший с Лениным, Толстым, Чеховым, убоился "кремлевского горца" — вот где и впрямь драма крупного художника и человека... Тут еще предстоит много работы исследователям.

Владимир ВОРОНОВ.

Ф. Д. - Б. еш сг - А. Б. Б. Г. - П. р. с. т.